КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го Мая № 10. 1864 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

Содержаніе: а) Слово преосв. Іосифа, митрополита литовскаго. б) Евстафій Пилипенко, самосвятъ. в) Дѣйствительный недосмотръ въ замѣткѣ на мнимый недосмотръ. г) Извѣстія и Замѣтки.

СЛОВО

СУНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА ІОСИФА, МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО и ВИЛЕНСКАГО,

произнесенное 25 марта 1864 года, въ память двадцатипятилѣтія послѣ возсоединенія униатовъ съ православною церковью (*).

Воспою Господеви благодѣявшему мнѣ, и пою имени Господа вышняго.

Этими словами церковь святая взываетъ въ благодарственныхъ молитвахъ своихъ о полученномъ прошеніи и о всякомъ благодѣяніи Божіемъ. И намъ, право-

(*) Минувшее 25 марта было въ Вильнѣ двойнымъ праздникомъ—и какъ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы,

славные христіане, предстоитъ нынѣ священный долгъ возблагодарить Господа за особенное ниспосланное намъ благодѣяніе. Въ 12 день февраля 1839 года, въ недѣлю православія, подписаны уніатскимъ духовенствомъ соборная грамота и просьба о возвращеніи на лоно православной церкви уніатовъ въ россійской имперіи. Это единодушное желаніе удовлетворено тогда же святѣйшимъ правительствующимъ сѵнодомъ; а въ 25 день марта, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на сѵнодальномъ о семъ докладѣ, записано рукою блаженныя памяти Императора Николая I: *благодарю Бога и принимаю.* Такимъ образомъ, исходитъ нынѣ двадцатипятилѣтіе съ того времени, какъ совершилось благополучно это священное дѣло возсоединенія съ православною церковью почти двухъ милліоновъ древнихъ чадъ ея, отторгнутыхъ въ смутныя времена коварствомъ враговъ Россіи и православія. Дѣло видимо благословенное Господомъ! Стоитъ воспомянуть о немъ, стоитъ и побесѣдовать. Есть чему поучиться, есть о чемъ порадоваться, есть за что возблагодарить Господа и воскликнуть съ церковью: *воспоемъ Господеви благодѣявшему намъ.*

и какъ память двадцатипятилѣтія, истекшаго въ этотъ день, со времени благополучнаго возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Литургію и послѣ благодарственный молебенъ, въ свято-троицкой церкви, совершалъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Іосифъ съ обоими викаріями литовской епархіи, преосвященнымъ брестскимъ Игнатіемъ и ковенскимъ Александромъ. На молебнѣ провозглашено многолѣтіе Его Императорскому Величеству Государю Императору и всему Августѣйшему Дому, святѣйшему правительствующему сѵноду и мѣстному архипастырю митрополиту Іосифу съ его боголюбивою паствою, правительствующему синклиту, военачальникамъ, градоначальникамъ, воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ; также воспѣта вѣчная память блаженныя памяти Императору Николаю Первому и всѣмъ усопшимъ уже братіямъ нашимъ, потрудившимся въ спасительномъ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ. Прежде молебна прочитано было ректоромъ семинаріи приличное торжеству слово высокопреосвященнѣйшаго митрополита Іосифа.

Вспомнимъ святаго равноапостольнаго великаго князя Владиміра, просвѣтившаго свой народъ вѣрою христіанскою, истинно православною. Она всѣ славянскія племена, отъ Ильменя до Чернаго моря, отъ верховьевъ Днѣстра и Сана до береговъ Волги, слила въ одинъ русскій народъ, образовала одну Русь святую. Съ того времени вѣра православная была какъ бы символомъ цѣлости и нераздѣльности самой Россіи. Напрасно потомки св. Владиміра дѣлили ее на многія, другъ другу непріязненныя части; напрасно колебали ее внутреннія смуты; напрасно внѣшніе враги съ сѣвера и юга, съ востока и запада, поборали ея могущество и не разъ доводили ее

Передавая его редактору Епархіальныхъ Вѣдомостей, архипастырь сказалъ: „Напечатайте это слово, не какъ что особенное и новое, но какъ добрую вѣсть, утѣшеніе и назиданіе для всѣхъ православныхъ, а въ особенности для доброй литовской паствы. Послуживъ всею своею жизнію священному дѣлу возсоединенія, пользовавшись всегда каждымъ случаемъ для утвержденія онаго дѣломъ и словомъ, я не могъ, на исходѣ дней моихъ, упустить настоящаго торжественнаго случая, чтобы не обновить въ памяти Богомъ ввѣренной мнѣ паствы тѣхъ твердыхъ началъ и убѣжденій, которыми руководилась она по благословенному пути къ возсоединенію съ православною церковью, его же спасительныя послѣдствія всѣ мы нынѣ радостнѣ ощущаемъ. Думаю, что и другіе архипастыри нашей страны не забыли о нынѣшнемъ днѣ, и помолятся за себя и за своихъ. Думаю, что и все возсоединенное священство возблагодаритъ Господа за благодѣяніе, которое мы нынѣ воспомянули".

На богослуженіи присутствовали господинъ главный начальникъ края Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и все многочисленное военное и гражданское чиноначаліе.

Въ день этотъ преосвященный митрополитъ былъ нечаянно обрадованъ Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ изъявлено благоволеніе Государя Императора къ служенію его высокопреосвященства, его сподвижниковъ и всего духовенства.— Рескриптъ этотъ читатели нашихъ вѣдомостей прочли въ № 8-мъ.

по видимому къ погибели: она всегда воскресала и возраждалась подъ знаменемъ и силою православія.

Но здѣсь не мѣсто для исторіи. Коснемся только участи нашей страны, западныхъ областей Россіи. Онѣ, послѣ татарскаго погрома, пріютились подъ мощное крыло литовскихъ князей и составили могущественное литовское княжество. Это княжество было почти русскимъ. Въ немъ исповѣдывалась православная вѣра; въ немъ употреблялся русскій языкъ, даже въ дѣлахъ правительственныхъ; его князья брачились и дружились съ домами русскихъ князей; оно почти вошло въ систему прочихъ русскихъ княжествъ и какъ бы составляло часть Россіи,— одно съ нею религіозное и политическое тѣло. Но это было не надолго. Бракъ отступника отъ православія Ягайлы съ королевною Ядвигою подвергнулъ Литву мощному вліянію Польши. Сія послѣдняя, не умѣвъ оградить себя отъ напора германцевъ съ запада, возжелала потерянныя по ту сторону свои провинціи вознаградить областями русскими со стороны Литвы. Съ своей стороны латинское духовенство, искони враждебное восточному православію, нашло тутъ возможность поборать выгодамъ римскаго единовластительства. Съ той поры началась въ нашей странѣ трехъ-вѣковая борьба между чуждымъ латино-польскимъ и коренньмъ православно-русскимъ элементами. Всѣ мѣры польскаго правительства, всѣ происки римскаго духовенства, всѣ роды насилія, всѣ уловки коварства, всѣ частныя и общественныя силы, употреблены были въ дѣло: чтобы ополячить здѣсь русскій народъ, чтобы отнять у него вѣру отцовъ его,—вѣру православную. Но напрасны были всѣ усилія. Этотъ народъ переносилъ съ твердостію и насилія и страданія; не разъ проливалъ потоки крови, и отстоялъ дѣло святое. Полякамъ, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, удалось только переселить въ нашу страну нѣкоторую часть своихъ родичей, ополячить и облатинить малочисленный классъ общества, увлекающійся обыкновенно житейскими выгодами; на массу же русскаго народа успѣли они наложить только личину латинства, подъ названіемъ Уніи, которая не измѣнила ни

его народности, ни его языка, ни сущности его вѣрованій, ни его родственнаго влеченія къ остальнымъ своимъ русскимъ православнымъ братіямъ.

Это то влеченіе было причиною постояннаго сочувствія между западною и восточною Русью, а сочувствіе породило взаимное содѣйствіе въ борьбѣ Россіи съ Польшею. Богъ благословилъ праведную брань! Въ теченіи двухъ вѣковъ русскія области, одна за другою, возвращались къ общему дѣлу русской земли; и мы, наконецъ, подобно нашимъ предкамъ, стали членами одного величественнаго русскаго государства, стали сынами одной русской семьи, составляемъ одну Русь святую. Едва успѣло совершиться это дѣло Провидѣнія, едва замолкли послѣдніе звуки оружія Екатерины, какъ три милліона юго-западныхъ уніатовъ, съ удивительнымъ единодушіемъ, по собственному побужденію, возвратились на лоно православныя церкви.

Оставалось въ предѣлахъ Россіи еще около двухъ милліоновъ уніатовъ. Но этотъ остатокъ отторгнутаго отъ православія русскаго народа долѣе другихъ собратій своихъ состоялъ въ уніи, долѣе другихъ находился подъ могущественнымъ гнетомъ полонизма и латинизма; даже русскимъ правительствомъ подчиненъ былъ одной съ латинами начальственной коллегіи. Казалось, время должно было для сего народа личину латинства превратить въ самое латинство; казалось, этотъ народъ потерянъ окончательно для православія. Не такъ думали тѣ, которые знали и народъ и смиренныхъ его пастырей. Довольно было на десять лѣтъ отклонить хотя въ нѣкоторой степени вліяніе латинизма и полонизма, довольно было десяти лѣтъ независимаго управленія и воспитанія юношества, и святое дѣло окончательнаго возсоединенія съ православною церковью всѣхъ уніатовъ въ Россіи совершилось мирно, тихо, съ рѣдкимъ единодушіемъ и пастырей и пасомыхъ,—и мы празднуемъ нынѣ двадцатипятилѣтіе сего сего событія, радостнаго всякому русскому Православному сердцу.

Воспоемъ же Господеви благодѣявшему намъ, и поемъ имени Господа вышняго!

Надѣюсь, что этотъ бѣглый очеркъ событій минувшаго времени не утомилъ васъ, православные христiане. Я желалъ доставить имъ для васъ и назиданіе и сердечное утѣшеніе. Безъ него мы не могли бы оцѣнить по достоинству радостнаго событія, котораго память нынѣ празднуемъ. Съ нимъ легко намъ будетъ обновить въ насъ спасительное убѣжденіе, что вѣра православная есть самая крѣпкая цѣпь, связующая въ единое цѣлое безчисленный русскій народъ, что ею зиждется и стоитъ неколебимо великое единодержавное русское царство, что въ ней главная опора для сего царства во всѣхъ невзгодахъ и испытанiяхъ. Свидѣтель тому и тяжкая година, переживаемая нами нынѣ.

Взгляните только на событія, волнующія теперь страну нашу. Гнусное коварство, клевета, измѣна, клятвопреступничество, грабежи, безчеловѣчныя истязанія, убійства и всякаго рода беззаконія, представлялись повсемѣстно взорамъ каждаго. Все это слилось въ одномъ безумномъ мятежѣ,—и съ какою цѣлію?—чтобы уничижить, обезсилить, раздробить могущественную Россію, чтобы покорить вновь Польшѣ русскія области, рускій православный народъ, у котораго свѣжа еще память прежняго ненавистнаго трехъ-вѣковаго порабощенія. Недальновидные поляки мечтали имѣть легкій успѣхъ въ своихъ преступныхъ замыслахъ. Ожидали, что за нихъ ополчится вся Европа, что за нихъ вступится вся западная церковь, что имъ будутъ сочувствовать даже русскіе, что за нихъ станетъ самый русскій православный народъ нашей страны. Но какъ горько обманулись несчастные! Неправедное цѣло, неправедныя средства обратились противъ нихъ самихъ.

Дѣйствительно, нѣкоторые народы и государства Европы высказали себя за Польшу, именемъ человѣчества готовы были поднять оружіе на Россію. Но недоумѣнія, посѣянныя обманомъ, вскорѣ разсѣялись, и всѣ, ослѣпленные злобою, вынуждены были сознаться, что и право, и спра-

ведливость, и самое человѣчество—на сторонѣ Россіи, а не Польши. Дѣйствительно, многіе вѣрующіе западной церкви, многіе ихъ пастыри, увлеченные лживыми навѣтами откликнулись на зовъ поляковъ, желали способствовать ихъ дѣлу. Но торжество обмана и тутъ было непродолжительно; а польское духовенство, въ лицѣ многихъ своихъ собратовъ, опозорено такими ужасными преступленіями, что едва-ли участіемъ въ мятежѣ не принесло оно болѣе пользы, нежели вреда, праведному дѣлу Россіи. Многіе изъ паствъ того духовенства, иные даже священники, усомнились въ собственномъ законѣ и спрашиваютъ себя: можетъ ли быть святая и истинная та вѣра, которая поощряетъ измѣну, клятвопреступничество и всякаго рода беззаконія, которой пастыри позволяютъ себѣ призывать паствы свои къ мятежу, вести ихъ на грабежъ и убійства, и проливаютъ человѣческую кровь собственными руками, тѣми самыми руками, которыя обрекли они на всю жизнь приносить безкровную жертву Всевышнему.

Дѣйствительно, были безумцы и между русскими, которые сочувствовали дѣлу Поляковъ: но кто они? Забудемъ о нѣсколькихъ несчастныхъ, которые измѣнили своему отечеству Россіи,—да судитъ ихъ Богъ и собственная ихъ совѣсть. Остальные были не многія слабыя, неопытныя жертвы минутнаго заблужденія и увлеченія; или незрѣлые юноши, вскормленные чуждою пищею, чуждымъ умомъ; или близорукіе мечтатели, положившіе для себя закономъ не твердый камень вѣры православной, не слово Божіе, а шаткія человѣческія умозрѣнія. Весь же безчисленный Русскій православный народъ, во услышаніе всему міру, откликнулся единымъ мощнымъ гласомъ, единымъ теплымъ сердцемъ, за неприкосновенность русскаго православнаго царства, русскаго православнаго отечества. И нашъ западно-рускій народъ, *недавно* еще возвратившійся на лоно православной церкви, *не отсталъ* отъ прочихъ русскихъ въ преданности къ общему отечеству. Онъ посмѣялся надъ безумными на него надеждами мятежниковъ, устоялъ противу искушеній, перенесъ тяжкія насилія и истязанія, и многіе изъ него, съ своими доблими

пастырями, сподобились недавно мученической кончины, за вѣрность своему русскому отечеству, своей святой православной церкви.

Воспоемъ и за сіе *Господеви благодѣявшему намъ, и поемъ имени Господа вышняго!*

И такъ, православные христіане, и событія былаго времени, и нынѣшнія событія равно поучаютъ насъ, что вѣра православная, ведя насъ истиннымъ путемъ ученія Христова въ сей временной жизни и уготовляя вѣчное наше спасеніе, съ тѣмъ вмѣстѣ соединяетъ крѣпчайшими узами безчисленный русскій народъ во едино мощное цѣлое, во едино великое государство, въ одно любезное наше отечество, въ одну Русь святую. Все, враждебное православію не можетъ быть не враждебно Россіи; и все, пагубное для Россіи, пагубно вмѣстѣ преуспѣянію вѣры и церкви православной.

Пожалѣемъ же, православные, о тѣхъ изъ соотечественниковъ нашихъ, которые, будучи русскими, холодны къ вѣрѣ православной. Еще болѣе пожалѣемъ о тѣхъ изъ нихъ, которые прельщаются ученіемъ и правилами чуждыми православію. Пожалѣемъ въ особенности о тѣхъ, которые съ высокомѣріемъ и злобою суемудрія подкапываются подъ священныя истины вѣры православной, которые стараются разрушить древнюю хранительницу сихъ истинъ церковь православную, или же способствуютъ врагамъ ея. Помолимся Господу Богу, чтобы вразумилъ первыхъ своею премудростію, и разрушилъ ковы послѣднихъ своею силою.

Съ тѣмъ вмѣстѣ помянемъ благодарнѣ всѣхъ, способствовавшихъ охраненію и преуспѣянію вѣры православной, соблюдшихъ это священное достояніе всего русскаго народа, поддержавшихъ общую мать его — церковь православную, возведшихъ чрезъ это наше любезное отечество въ одно могущественное русское государство, въ одну Русь святую. Между тысячами подобныхъ подвижниковъ, между тысячами подобныхъ подвиговъ, на которые

мы здѣсь указываемъ съ умиленіемъ, обратимъ еще разъ радостные взоры на одно изъ послѣднихъ событій, котораго мы сами были свидѣтелями, которому совершилось нынѣ двадцатипятилѣтіе, съ которымъ благословилъ Господь двумъ милліонамъ русскаго народа здѣшней страны возвратиться на лоно древней матери своей—церкви православной, а тѣмъ самымъ слиться крѣпчайшими узами съ общимъ великимъ русскимъ государствомъ, и найти здѣсь тихое пристанище послѣ вѣковыхъ треволненій.

Возблагодаримъ Господа за это благодѣяніе, содѣянное намъ, всей здѣшней странѣ, всей церкви православной, всей Руси святой, и *воспоемъ Господеви благодѣявшему намъ, поемъ имени Господа вышняго!* Аминь.

(Лит. Еп. Вѣд.).

ЕВСТАФІЙ ПИЛИПЕНКО САМОСВЯТЪ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ НЫНѢШНЕЙ КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ.

„Исторійка жизни его преисполнена есть химерогонства, креминалства и прочихъ неподобныхъ поступковъ.“

Такъ доносилъ въ свое время о самосвятѣ Евстафіѣ Пилипенкѣ въ походную переяславскаго епископа Виктора канцелярію „первыя части смѣлянскія протопопіи намѣстникъ іерей Стефанъ Полусыновъ.“ Не потому однакожъ мы хотимъ разсказать нашимъ читателямъ эту „исторійку,“ что она „преисполнена есть химерогонства, креминалства, и прочіихъ неподобныхъ поступковъ,“ но потому, что она знакомитъ насъ съ нѣкоторыми сторонами положенія православной церкви въ бывшей нѣкогда польской Украинѣ, т. е. нынѣшней кіевской губерніи, вводитъ отчасти въ обыкновенную будничную жизнь тогдашняго православнаго приходскаго духовенства. Читателямъ нашимъ, сознавшимъ давно невыгоды своего положенія и ждущимъ теперь отъ общества, правительства и милости царя улучшенія своего быта, знающимъ то по собственному опыту, то по разсказамъ и преданіямъ худшее значительно положеніе своихъ отцевъ и дѣдовъ, не безъинтересно будетъ оглянуться еще далѣе назадъ и хотя нѣсколько приподнять ту завѣсу, за которой скрывается злосчастная жизнь нашихъ прадѣдовъ, оставившая много слѣдовъ въ современномъ состояніи нашего духовенства, но не оставившая никакой памяти ни въ письменныхъ извѣстіяхъ, ни въ живомъ преданіи.

Дѣло происходило въ послѣдней четверти прошед-

шаго столѣтія. Но для разъясненія предшествовавшихъ обстоятельствъ дѣла мы перенесемъ воображеніе читателя лѣтъ за двадцать назадъ.

1766 года около двадцатыхъ чиселъ іюня, мошенской губерніи (нынѣ черкаскаго уѣзда) въ село Хрещатикъ возвращался изъ Переяславля новорукоположенный переяславскимъ архіереемъ Гервасіемъ Линцевскимъ іерей Іосифъ Морозовскій, или просто Морозъ. Если бы вы, читатель, въ настоящее время могли видѣть подобнаго іерея, то, безъ сомнѣнія, не мало подивились бы его убогому и простому виду. По одному внѣшнему его виду всякій легко догадался бы, къ какому сословію принадлежалъ онъ до рукоположенія. Подобно всѣмъ почти собратіямъ своимъ, онъ былъ простой поселянинъ, житель того же Хрещатика, котораго становился теперь духовнымъ пастыремъ. Костюмъ тогдашняго священника былъ до того простъ, не затѣйливъ и даже бѣденъ, что только развернувши „ставилную грамоту," которую о. Іосифъ несъ съ собою, и увидавши вмѣстѣ съ нею св. антиминсъ и муро святое, данныя ему изъ переяславской катедры, можно было увѣриться, что это былъ священникъ. Время это было началомъ страшнаго гоненія на православныхъ обитателей Украины со стороны поляковъ и уніатовъ. Многіе изъ православныхъ священниковъ украинскихъ, которыхъ вообще уніатская власть считала въ своей юрисдикціи, но которые теперь, въ теченіи пяти лѣтъ, по убѣжденію мотренинскаго игумена Мелхиседека, становились въ формальное подчиненіе православному переяславскому архіерею, или, выражаясь по тогдашнему, „усыновлялись въ паству его преосвященства переяславскую," были судимы уніатскою и польскою властію, какъ преступники: за ними присматривали всюду, въ особенности, когда они отправлялись въ Переяславль или обратно, ихъ ловили въ домахъ и въ дорогѣ, хватали безъ всякаго права и суда, подвергали страшному истязанію, разнаго рода поруганіямъ и въ томъ числѣ, неизмѣнно, обрѣзанію или обритію волосъ на головѣ и бородѣ, заковывали въ кандалы, желѣза и скрипицы и затѣмъ отправляли на заключеніе

и постоянную муку „въ радомысльскій уніатскій консисторъ.“ Не заглядывая далеко въ душу смиреннаго путника о. Іосифа, всякій легко догадался бы, что думалъ онъ, приближаясь къ своей убогой хрещатицкой паствѣ, когда мысль его, подъ вліяніемъ тяжелаго настоящаго, невольно уносилась въ не веселую правда, но все еще неиспытанную, будущность. Въ недалекой перспективѣ ему представлялись, конечно, таже убогая крестьянская хата его, въ которой онъ жилъ доселѣ, въ которой и потомъ долженъ былъ жить, тотъ же *чиншъ* или плата за усадьбу, съ прибавкою столовыхъ и другихъ сборовъ въ пользу уніатскаго митрополита, тоже собственоручное паханіе земли, правда не барщинной, но презентовой, за которую заплачены деньги, но которую, не смотря на то, могъ отобрать по первому капризу тотъ же мошенскій губернаторъ, который теперь презентовалъ ее. Правда, на нашего путника не могло не дѣйствовать пріятнымъ и успокоивающимъ образомъ представленіе о чести священства, которой онъ теперь удостоился, о нѣкоторомъ почетѣ, на который онъ получилъ право вмѣстѣ съ самымъ священствомъ, и можетъ быть даже о грошовыхъ доходахъ съ прихода; но вмѣстѣ съ этимъ ему неизбѣжно должна была представляться и ужасная отвѣтственность, которой онъ подлежалъ, какъ представитель православнаго прихода, всѣ тѣ, „несносніи бѣды и мучительства“ отъ поляковъ и уніатовъ, которыя всею тяжестію своею обрушивались первѣе всего на пастырей церкви. Самая продолжительность службы священника не была въ это время ни чѣмъ обезпечена, и никто изъ православныхъ священниковъ не могъ знать, долго ли ему придется прожить на приходѣ. „Вотъ панъ губернаторъ далъ мнѣ презентъ, дозволилъ мнѣ быть священникомъ въ Хрещатикѣ; но почемъ знать, можетъ быть настанетъ скоро другой губернаторъ, не захочетъ, чтобъ было у насъ *благочестіе*, и посадитъ на мое мѣсто, попа уніата, а можетъ быть и этотъ же самый панъ Подгородецкій лишитъ меня прихода. Всюду наставлены уніатскіе инстигаторы и инструкторы, а имъ велѣно „подхватывать всюду благочестивое священ-

ство и монаховъ и отсылать до Радомысля до турмы;" уже и самъ официалъ разъѣзжаетъ по Украинѣ, онъ выдалъ грозный обвинительный декретъ на непокоряющихся апостольскому ѳрону,—на главнаго начальника игумена Мелхиседека, на правителя Максима, на громады телетинскую, валявскую и ольшанскую и ихъ благочестивое священство, уже и „войско польское до нѣсколька тысящъ вступило въ Смилянщину, людямъ всѣмъ смертный страхъ мечтается". Что то будетъ и со мною? Долго ли пробуду на приходѣ? Или нападутъ на меня польскія и уніатскія власти, измучатъ и разлучатъ меня съ женою и приходомъ?" Такія и подобныя мысли приходили тогда въ голову всякому православному священнику, и если также думалъ и отецъ Іосифъ, то онъ нимало не ошибся.

Не болѣе какъ чрезъ двѣ недѣли по прибытіи его на крещатицкій приходъ, ночью подъ 5-е іюля, во время сна, напали на о. Іосифа три попа уніатскихъ, въ томъ числѣ инстигаторъ каневскій Ѳедоръ Кравченко, и тащили его изъ дому (конечно, къ официалу Мокрицкому). Поднялся крикъ и шумъ, прибѣжали сосѣди—прихожане и не дали взять своего пастыря. Но это не спасло о. Іосифа. На другой день явились тѣже уніаты и пятъ вооруженныхъ козаковъ, данныхъ мошенскимъ губернаторомъ Юріемъ Подгородецкимъ. Никто не смѣлъ боронить о. Іосифа,—двумъ прихожанамъ, которые ѣздили въ Мошны молить губернатора за своего пастыря, вмѣсто отвѣта, губернаторъ далъ по полтораста ударовъ кіями. О. Іосифа привезли связаннаго въ Мошны, остригли, по обыкновенію, волосы на бородѣ и головѣ и, забивъ въ колодку, отправили подъ карауломъ въ Корсунъ къ Мокрицкому. „Геретикъ, схизматикъ!"—такими и худшими словами привѣтствовалъ его Мокрицкій и велѣлъ раздѣться до нага. Инстигаторъ Андрей Глинскій разорвалъ на немъ рубаху и приказалъ стать на колѣни и наклониться головой къ землѣ, а потомъ „взялъ *дисциплину* съ крючка, сдѣланную съ сирици (*),

---

(*) Сыромятный ремень.

а на концахъ дротомъ обмотанную, сталъ бить и такъ нещадно и немилосердно билъ, что до самой почти кости тѣло, какъ кнутомъ тоею дисциплиною повыривалъ." Заковали потомъ его вмѣстѣ съ другимъ священникомъ „въ единъ кандалъ по едной ноги, набили на другую ногу колодку, а на руки скрипици (*)" и въ такомъ видѣ, „при двоихъ козакахъ и едному ляху" отправили въ Радомысль. Долго, около 9-ти мѣсяцевъ мучился здѣсь о. Іосифъ, вмѣстѣ съ другими страдальцами за вѣру,—православными священниками и монахами: его били плетьми среди мѣстечка на базарѣ. держали въ тюрьмѣ, били и еще не разъ, водили къ уніатской исповѣди и причастію и заставляли тачками возить землю на валъ. Около двадцатыхъ чиселъ марта, когда прошелъ слухъ о приближеніи русскихъ войскъ, о. Іосифа ободраннаго и измученнаго, безъ куска хлѣба и безъ всякаго письменнаго вида, отпустили вмѣстѣ съ нѣсколькими другими страдальцами, выведя за городъ и сказавъ: ступайте, куда хотите. Но, изгнанный однажды изъ прихода, о. Іосифъ, подобно многимъ другимъ собратіямъ своимъ, не могъ уже попасть, не только на прежнее, но и ни на какое другое мѣсто. Добролѣтельный Гервасій могъ только сострадать подобнымъ страдальцамъ, которые десятками и сотнями то скитались въ лугахъ и лѣсахъ, то искали пріюта на той сторонѣ Днѣпра. Спустя два года началась *Колгивщина*, или избіеніе свирѣпыхъ мучителей, а потомъ послѣдовало кровавое замиреніе Украины и долгія, долгія ея страданія все отъ тѣхъ же мучителей. Отецъ Іосифъ такъ и умеръ въ изгнаніи въ 1778-мъ году; на его мѣстѣ давно уже священствовалъ уніатъ Карака.

Мы сдѣлали это отступленіе или точнѣе интродукцію для того, чтобы ознакомить васъ, читатель, съ тою средою, въ которой происходитъ дѣйствіе, составляющее предметъ нашего разсказа. Приступимъ теперь къ самому разсказу.

(*) Деревянныя колодки ножныя.

По смерти отца Іосифа осталась жена его Өеодосія съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, въ собственномъ смыслѣ безъ куска хлѣба. Если и теперь положеніе вдовы сельскаго священника тяжело до крайности, то тогда оно было еще безвыходнѣе. Состоянія никакого, пособія, помощи ни откуда никакой. Одно, что могло мирить ее съ тяжестію такого положенія, это ея крестьянство, испытавшее все, кромѣ достатка и довольства Тогдашнее духове ство, выходившее всегда почти изъ крестьянскаго сословія, и женилось въ томъ же сословіи, и вело жизнь до того бѣдную и простую, что ничѣмъ не отличалось отъ своихъ прихожанъ. Трудами рукъ своихъ вдовствующая Өеодосія зарабатывала себѣ и дѣтямъ своимъ насущный хлѣбъ; пріютъ нашла въ домѣ брата своего, крестьянина сосѣдняго села Мижирича, Максима Силенка, откуда и сама была родомъ. Въ тогдашнее время, при слабой власти переяславскаго епископа надъ заграничною его паствою, при полномъ своеволіи шляхты и уніатовъ и постоянномъ отнятіи православныхъ церквей, не могло быть и мысли о предоставленіи приходовъ за сиротами и какихъ либо доходахъ въ пользу ихъ; тѣмъ не менѣе губернаторъ мошенскій Сошицкій, сжалившись, вѣроятно, надъ бѣдностію вдовы Морозихи, или уступая, можетъ быть, желанію хрещатицкихъ жителей имѣть у себя православнаго священника, обѣщалъ дозволить поступить на хрещатицкій приходъ тому, кто женится на дочери вдовствующей попадьи, — Матронѣ. Но жениха дождаться было не такъ легко, какъ въ послѣдствіи, при иныхъ порядкахъ. Школъ духовныхъ православныхъ не было тогда во всей Украинѣ; людей грамотныхъ было также не много, да и не всякій изъ нихъ рѣшился бы „промоваться“ во священники на мѣсто того, кто и умеръ въ изгнаніи. Какова же была радость вдовы Морозихи, когда въ концѣ 1786 года явился къ ней довольно еще молодой, видный и порядочно одѣтый человѣкъ и объявивъ о себѣ, что „онъ человѣкъ несумнительный, холостъ и ученый,“ предложилъ горемычной вдовѣ выдать дочь свою за него замужъ, „въ надежду ему священства,“ съ тѣмъ, что онъ отберетъ приходъ отъ уніата

будетъ давать и ей „пропитаніе и оказывать всякое благопризрѣніе.“ Женихъ этотъ и былъ Евстафій Пилипенко, въ послѣдствіи самосвятъ. Онъ рекомендовался урожен-цемъ малороссійскимъ дворянскаго роду, учившимся въ школахъ латинскихъ до богословіи, называлъ себя хорунжимъ и показывалъ какіе то документы, которыхъ вдова, какъ и всякая тогдашняя попадья, по неграмотности своей, не могла разобрать. Пилипенко ссылался еще на роднаго брата ея Максима Силенка, который видѣлъ гдѣ то Пилипенка и свелъ съ нимъ знакомство. Въ добавокъ Пилипенко пріѣхалъ собственною пароконною повозкою съ погоничемъ. Вдова рѣшилась однакожъ посовѣтоваться прежде съ мижирицкимъ священникомъ о. Василіемъ Залѣсскимъ и когда тотъ, по ея просьбѣ, пришелъ къ ней въ домъ, и спросилъ Пилипенка о его происхожденіи и званіи, Пилипенко показалъ ему свидѣтельство о его малоросійскомъ дворянствѣ, „за подписью особъ свѣцкихъ до пяти или больше, подписавшихся разными характирами“ и сверхъ того свидѣтельство, данное ему еще въ 1781 году каневскимъ уніатскимъ дзѣканомъ Ѳедоромъ Андріевскимъ, священникомъ села Николаевки, въ которомъ Пилипенко жилъ по какому то случаю два года. Свидѣтельство дано на проѣздъ, безъ означенія мѣста, куда слѣдуетъ Пилипенко, но въ немъ онъ названъ воспитанникомъ кіевской академіи, учившимся тамъ до богословскаго класса съ хорошими успѣхами и поведеніемъ. Сочувствуя безпомощной вдовѣ, о. Василій не только одобрилъ ея мысль, но и самъ совѣтовалъ ей принять за зятя заѣзжаго гостя. Документы послѣдняго онъ призналъ достаточными для увѣренія въ его происхожденіи и званіи, и только замѣтилъ, когда дѣло о свадьбѣ было рѣшено, что не можетъ обвѣнчать безъ вѣдома господскаго двора и письменнаго отъ него вида. Прошло около году съ тѣхъ поръ, Пилипенко пріѣзжалъ и отъѣзжалъ, бывалъ не разъ въ Мижиричѣ и Хрещатикѣ, успѣлъ въ послѣднемъ селѣ получить одобреніе отъ прихожанъ и добиться отъ нихъ согласія на поступленіе къ нимъ во священники, успѣлъ выхлопотать у мижирицкаго господскаго двора „приказываемой письменній

видъ“ къ священнику Залѣскому на обвѣнчаніе его съ дочерью покойнаго о. Іосифа и былъ наконецъ обвѣнчанъ, съ нею 1-го октября 1787 года. Только объ немъ ни въ Мижиричѣ, ни въ Хрещатикѣ не получили вѣрныхъ свѣдѣній. Женившись, Пилипенко исхлопоталъ себѣ у мошенскаго губернатора Сушицкаго письменное удостовѣреніе о желаніи хрещатицкихъ жителей и согласіи самаго губернатора на занятіе имъ хрещатицкой парохіи, отобралъ ключи отъ хрещатицкой церкви у тамошняго уніатскаго священника Караки, удалилъ его изъ прихода и дома и переселился изъ Мижирича въ Хрещатикъ вмѣстѣ съ женою и тещею своею. Въ тѣхъ мѣстахъ находились тогда русскія войска, Пилипенко свелъ знакомство съ русскими офицерами, такъ страшными для поляковъ. Это возвысило его въ глазахъ шляхты мѣстной и губернатора мошенскаго. Пилипенко весело проводилъ время; но занявши приходъ онъ долженъ былъ подумать о рукоположеніи, а можетъ быть ему напомнили объ этомъ его жена, теща и прихожане. Переяславскій епископъ Викторъ жилъ тогда временно въ лебединскомъ монастырѣ; Пилипенко взялъ шурина своего поповича Морозенка и поѣхалъ съ нимъ въ Лебединъ для рукоположенія. Шуринъ скоро воротился домой, а Пилипенко остался въ Лебединѣ.

Въ концѣ филипова поста Пилипенко явился въ Хрещатикъ. Что говорилъ онъ тутъ о своемъ священствѣ женѣ, тещѣ, прихожанамъ,—неизвѣстно, но и священникомъ себя не объявилъ. Въ тоже время онъ получилъ отъ мошенскаго губернатора билетъ на проѣздъ въ русскія владѣнія для свиданія съ знакомыми;—въ билетѣ онъ названъ священникомъ, прописано кромѣ того, что онъ ѣдетъ съ женою. Между тѣмъ онъ уѣхалъ одинъ; въ Хрещатикѣ, какъ можно догадываться, сказалъ, что ѣдетъ опять для рукоположенія; о билетѣ томъ, конечно, не знали. Въ этомъ обстоятельствѣ читатель можетъ видѣть признаки нѣкоторой странности въ поведеніи Пилипенка. Если онъ точно рукоположенъ переяславскимъ епископомъ, какъ объяснялъ губернатору, то отъ чего скрываетъ это отъ семьи и прихожанъ? Куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ и отъ чего беретъ

билетъ у губернатора, а не у своей духовной власти, какъ объ этомъ послѣдовало распоряженіе лѣтъ 20 тому назадъ?—Но будемъ продолжать разсказъ.

На сплошной недѣлѣ Пилипенко явился снова въ Хрещатикѣ послѣ слишкомъ четырехънедѣльнаго отсутствія. Онъ былъ уже въ священническомъ платьѣ, имѣлъ отрощенные волосы на головѣ и бородѣ, объявилъ себя священникомъ, раздавалъ благословеніе на право и на лѣво, сказывалъ, что рукоположенъ въ Волощинѣ, показывалъ и грамоту волошскаго архіерея. Въ Волощину (не собственно Валахію, но очаковскую область или такъ называемую ханскую Украину, гдѣ былъ православный митрополитъ и нѣсколько архіереевъ, состоявшіе въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха) ходили издавна изъ польской Украйны искавшіе священства. Тамъ легче было получить священный санъ кому бы то ни было, и дешевле это стоило, какъ простодушно объясняли нѣкоторые изъ волошскихъ ставленниковъ; рукополагали безъ разбору и не къ опредѣленному приходу, а такъ просто— *на вакансъ*. Правда еще Гервасій указомъ 1765 г. воспретилъ было принимать волошскихъ рукоположенцевъ на украинскіе приходы, но какъ онъ самъ, такъ и преемники его не могли сломить обычая, вкоренившагося съ давнихъ, незапамятныхъ временъ. Распоряженіе Гервасія повторяемо было не разъ и въ послѣдствіи; но исполненіе его зависѣло отъ случая. Что могло значить распоряженіе архіерея, когда губернаторъ (т. е. управляющій извѣстною частію имѣнія какого либо помѣщика) по своей волѣ могъ опредѣлить и смѣстить священника, равно изгнать изъ прихода священника избраннаго прихожанами и утвержденнаго архіереемъ? Такъ и въ этомъ случаѣ. Пилипенко получилъ отъ губернатора новый письменный видъ, которымъ приказывалось хрещатицкимъ прихожанамъ слушаться его во всемъ, какъ священника, и этого достаточно было для ввода его въ хрещатицкій приходъ. Никто и не думалъ ни о какой другой гарантіи. Впрочемъ Пилипенко, для увѣренія прихожан въ своемъ священствѣ, въ первое по пріѣздѣ его воскресенье прочиталъ въ церкви

предъ народомъ свою ставленную грамоту, выданную, какъ значилось въ ней, отъ „андреянопольскаго“ архіепископа Михаила, и за тѣмъ отслужилъ первую литургію по обряду православной церкви, давно уже неслыханную въ Хрещатикѣ.

Наступало время великаго поста. Это было самое тяжелое время для тѣхъ изъ православныхъ украинцевъ, въ приходахъ которыхъ не было православнаго священника. Они ни за что не рѣшались идти на исповѣдь къ уніату и принимать отъ него св. тайны, платили большой окупъ и шли въ далекіе православные монастыри оттовѣться. Такъ было и въ Хрещатикѣ, гдѣ, по изгнаніи о. Іосифа Мороза, 12 лѣтъ сидѣлъ попъ уніатъ. Какова же была теперь радость хрещатицкихъ жителей. Пилипенко служилъ всю первую седмицу, исповѣдывалъ и пріобщалъ. Вообще же онъ исполнялъ всѣ требы, какія случались въ это время въ его приходѣ.

Разъ онъ былъ въ Мижиричѣ на ярмонкѣ,—ходилъ по базару, распустя волосы и раздавалъ благословеніе народу, а инымъ и „головы стискалъ по обыкновенію, какъ новорукоположенный“. На вопросъ о. Василія, гдѣ и кѣмъ онъ рукоположенъ, Пилипенко спокойно отвѣчалъ: за-границею, въ Полтавѣ.

10 марта тогожъ года Пилипенко, къ большему, конечно, удивленію его семьи и прихожанъ, уѣхалъ изъ Хрещатика тайно, не сказавъ никому ни слова. Онъ взялъ лошадь тещину, церковный служебникъ, епитрахиль, полътретя фунта церковнаго воску, полотно, которымъ покрытъ былъ престолъ Господень и еще нѣсколько тещиныхъ вещей. Куда и по какой причинѣ онъ скрылся, никто не могъ дознаться. Проходило время, объ немъ слуху ни откуду никакого. Только жидъ арендаръ приставалъ къ вдовѣ Морозихѣ, чтобы заплатила ему три рубля „за напитую Пилипенкомъ горѣлку и одинъ рубъ за свадьбу.“

Въ то время, когда хрещатицкіе жители поражены

были внезапнымъ и тайнымъ отъѣздомъ своего православнаго пастыря, котораго они такъ долго ждали, а жена и теща его терялись въ недоумѣніяхъ, куда бы могъ дѣваться такъ близкій и такъ нужный имъ человѣкъ, и когда продолжительность его отсутствія, тайна отъѣзда и другія его обстоятельства, а можетъ быть и самое предчувствіе вызывали въ нихъ вздохи и слезы, на другой сторонѣ Днѣпра, куда мы перенесемъ теперь вашу мысль, читатель, разыгрывалась другая, не менѣе тяжелая семейная драма. Полтавской губерніи, хорольскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Горошинѣ оплакивала свою горькую долю одна женщина, по имени Анна,—не вдова, но и мужа давно не видавшая. Ея отецъ Маркъ Педанъ былъ козакъ и жилъ въ селѣ Нехайкахъ, переяславскаго полка, глемязовской сотни. Еще въ дѣтствѣ она лишилась отца и жила съ матерью своею Варварою въ томъ же селѣ Нехайкахъ. Отецъ оставилъ имъ порядочное состояніе, и они жили безбѣдно. Когда Аннѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, по тогдашнему настоящія лѣта невѣсты, къ ней явился женихъ, по имени Евстафій, по прозванію Сѣчкарь, иначе Горошинскій, сынъ войсковаго товарища, самъ значковой товарищъ, родомъ мѣстечка Горошина. Прадѣдъ его былъ компанѣйскимъ полковникомъ и убитъ въ сраженіи въ персидскомъ походѣ. Отецъ умеръ лѣтъ десять назадъ въ Константинополѣ, куда отправляемъ былъ кіево-губернскою канцеляріею къ русскому посланнику Обрескову съ какимъ-то порученіемъ. Предварительно заѣзжій женихъ сватался три дня у нехайковскаго значковаго товарища Мехеды, но тамъ ему почему-то отказали. Сама мать Анны на первое его предложеніе отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ, невѣста также не согласилась; но женихъ успѣлъ провести ихъ. Онъ съѣздилъ въ Горошинъ, занялъ у знакомыхъ много денегъ и сталъ подъ разными предлогами обнаруживать предъ невѣстою и матерью свой будто бы капиталъ. Въ то же время онъ задобрилъ водкою и другими способами нѣкоторыхъ нехайковскихъ жителей, которые стали докучать за него невѣстѣ и ея матери просьбами и уговорами. Мать далась въ обманъ и хотя дочь все таки стояла на прежнемъ

своемъ намѣреніи, ее насильно почти обвѣнчали съ Евстафіемъ Сѣчкаремъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы обманъ открылся; теща должна была выплачивать долги своего зятя. Оказалось кромѣ того, что онъ былъ „состоянія очень худого, и пьянственного и азартнического“. Теща заболѣла и умерла отъ огорченія. Передъ смертью она купила для зятя два дома въ Горошинѣ и вблизи онаго хуторъ, надѣясь тѣмъ расположить Сѣчкаря къ своей дочери. Но и это не помогло. Сѣчкарь продолжалъ буйную разгульную жизнь и немилосердно колотилъ свою жену. Въ началѣ 1786 года въ хуторѣ онъ побилъ одну женщину за противозаконную будтобы связь ея съ его работникомъ, или, какъ объясняла, въ послѣдствіи сама Анна, за то, что та ходила къ работнику, въ надеждѣ вытти за него замужъ. Побои были такіе жестокіе, что побитая находилась въ опасномъ положеніи, потому братья ея козаки Максименковы завели искъ. Сѣчкарь бѣжалъ въ Золотоношу, его поймали и посадили въ тюрьму. Жена сжалилась надъ нимъ и, задаривъ судей, выпросила его на волю, а избитую женщину взяла въ свой домъ на попеченіе и излѣченіе. Пятнадцать недѣль страдала Максименкова и умерла, не смотря на всѣ старанія излѣчить ее. Братья умершей постарались произвести медицинское освидѣтельствованіе и возобновили искъ. Сѣчкарь находился въ это время въ Кіевѣ, ему дали знать и онъ бѣжалъ изъ Кіева въ Польшу, т. е. польскія владѣнія, начинавшіяся въ нынѣшней кіевской губерніи отъ Василькова, или точнѣе отъ Мытницы. Здѣсь пробылъ онъ до сырной недѣли 1787 года, не давая о себѣ никакого извѣстія женѣ своей. Пробравшись въ Польшу съ какимъ-то полякомъ, всего вѣроятнѣе, по фальшивому паспорту, онъ и въ обратный путь въ м. Горошинъ не затруднился добыть у какого то поляка безсрочный паспортъ, въ которомъ онъ названъ былъ шляхтичемъ, каневской губерніи, села Грищинецъ жителемъ. Продолжительное отсутствіе не примирило его съ женой; по прежнему обращался онъ съ нею дурно, а между тѣмъ дѣло объ убійствѣ принимало дурной для него оборотъ. Болѣе полу-

года пробылъ онъ въ Горошинѣ, стараясь потушить разгорѣвшееся дѣло; истратилъ много жениныхъ и своихъ денегъ на угощеніе и обдариваніе судей,—ни что не помогало. 8-го сентября 1787 года онъ бѣжалъ снова въ Польшу, т. е. нынѣшнюю кіевскую губернію, не сказавшись женѣ. Положеніе ея было со всѣхъ сторонъ крайнее. Полгода промучилась она въ напрасномъ ожиданіи мужа, не зная, гдѣ скрывается онъ, но если бы онъ и воротился домой, ему также было не сдобровать.

На четвертой недѣлѣ великаго поста слѣдующаго 1788 года, въ селѣ Бурымкахъ, отстоящемъ на 15 верстъ отъ м. Горошина и лежащемъ на одной съ нимъ рѣкѣ Сулѣ, какой-то мужчина, съ подрѣзанными на головѣ и бородѣ волосами, договаривалъ двухъ бурымскихъ жителей свезти его на дубѣ по рѣкѣ Сулѣ до м. Горошина. Судя по его торопливости и безпокойству, съ какими онъ заключалъ договоръ, можно было подозрѣвать что-нибудь особенное въ его положеніи. Подъѣзжая къ Горошину, онъ просилъ своихъ возчиковъ не объявлять объ немъ въ Горошинѣ никому. Самымъ отъѣздомъ онъ разпорядился такъ, чтобы пріѣхать по-позже. Ночью, когда въ домѣ Сѣчкарки всѣ спали, какая то старуха осторожно постучалась къ ней въ окно. Хозяйка узнала въ ней Ефимію Дудничку изъ сосѣдняго села Мохначовъ; Дудничка шептала секретъ, по которому пришла; Анна вмѣсто отвѣта заливалась горькими слезами. Не много погодя, въ окно, также осторожно, стучался какой-то мужчина. То былъ самъ Евстафій Сѣчкарь, хозяинъ дома, возвратившійся изъ Польши и дубомъ доѣхавшій по рѣкѣ Сулѣ до Горошина.

Что за приключеніе съ нимъ? Отъ чего какъ воръ онъ пробирается къ собственному дому, къ семьѣ своей?— Онъ хочетъ увезти жену и дѣтей, но такъ, чтобы никто не видалъ и не слыхалъ. Онъ старается скрыться все отъ того же дѣла объ убійствѣ Максименковой. Старуха Дудничка подослана имъ къ женѣ и сообщила ей о намѣреніи мужа, на которое та отвѣчала слезами. Мужъ повторяетъ ей, что говорила предъ тѣмъ Дудничка,—что онъ „выстарался во священника, что имѣетъ парохію въ Полшѣ,“

куда и ее хочетъ увезти. Онъ торопитъ ее, говоритъ, чтобы выбиралась окномъ, чтобы взяла только дѣтей и самое необходимое, а все прочее бросила бы, прибавляетъ, что необходимо бѣжать отъсюда за убійство Максименковой. „Поѣзжай самъ и живи, гдѣ хочешь,“—отвѣчала ему рѣшительно жена. „Ежели не послушаешь мене теперича, сказалъ ей гнѣвно мужъ, то не скрыешся отъ мене и въ цѣломъ свѣтѣ, а какъ возьму до себе тебе въ Полщу непремѣнно, то до гробу своего знатимешъ мене.“ Горестное положеніе; но и жаль мужа, а въ Польшѣ укрыться легко, стоитъ только чрезъ форпостъ перебраться, и—Анна рѣшилась раздѣлять съ мужемъ неизвѣстную его будущность.

Въ туже ночь доѣхали они также по рѣкѣ Сулѣ до с. Бурымокъ, гдѣ Сѣчкарь оставлялъ свою лошадь, а оттуда выѣхали въ слѣдующую ночь. Сѣчкарь колесилъ такъ, что жена не знала, куда онъ везетъ ее, и только чрезъ двѣ недѣли прибылъ въ Кременчугъ, до котораго отъ Горошина менѣе двухъ дней пути. Въ Елисаветградѣ онъ служилъ обѣдню, ходилъ въ священническомъ платьѣ и на вопросъ любопытствовавшихъ о мѣстѣ службы его говорилъ, что онъ полковой священникъ и ѣдетъ въ полкъ. Отсюда онъ не поѣхалъ въ Польшу, по обѣщанію, но направился по новоросiйской губерніи къ Херсону. Жена потеряла наконецъ терпѣніе и стала допытываться у него, куда и на какой конецъ онъ везетъ ее. Сѣчкарь, послѣ нѣкотораго колебанія, сталъ говорить ей съ какимъ-то безстыдствомъ, что у него есть другая жена „поповна, наслѣдная той парохіи,“ въ которую онъ рукоположенъ во священника, что въ той парохіи жить не весело,—люди убогіе, что онъ хочетъ оставить ее Анну подъ Херсономъ, а за тѣмъ привезетъ туда же и другую жену свою и будетъ жить съ обѣими; при этомъ онъ уговаривалъ Анну не огорчаться тѣмъ, что у него есть другая жена, прибавляя, что ему обоихъ равно жаль, но что впрочемъ онъ не попуститъ ее Анну въ обиду отъ молодой жены. Какъ громомъ поразило Анну такое безстыдное признаніе мужа. Страшныя мысли мелькали въ ея головѣ. Она думала

даже, не за тѣмъ ли привезъ ее сюда мужъ, чтобы бросить, а пожалуй и убить въ такомъ далекомъ и безлюдномъ краѣ, и рѣшилась спасать себя и дѣтей. „Подъ Херсономъ, говорила она мужу, бываютъ захожіе люди изъ нашего края, могутъ узнать тебя и меня; въ Польшѣ удобнѣе скрыться. Поѣдемъ въ Польшу къ твоей молодой женѣ; ты назовешь меня сестрою и будемъ жить вмѣстѣ.“ А на умѣ было другое: какъ бы добраться поближе къ родинѣ и начальству. Сѣчкарь послушался продолжительныхъ просьбъ и увѣщаній жены и повернулъ въ Польшу.

Пріѣхали въ село Макіевку,—нынѣ черкаскаго уѣзда. Сѣчкарь оставилъ здѣсь жену, сказавъ, что ѣдетъ съ работникомъ за другою женою, и строго приказалъ дожидаться его на мѣстѣ. На другой день онъ явился безъ жены и работника и велѣлъ Аннѣ немедленно собираться въ дорогу. Снова неизвѣстность и прежнія страшныя мысли. Да и стыдно и опасно, думала Анна, жить съ такимъ негоднымъ и безстыднымъ мужемъ. Для ней очевидно было, что мужъ хитрилъ для какой-то неизвѣстной цѣли, а эта неизвѣстность всего болѣе ее пугала,—и она рѣшилась перехитрить мужа. „Подожди не много, стала она упрашивать его; надо помыть дѣтское бѣлье,“ и когда мужъ согласился, немедленно расказала всю свою исторію какой-то старухѣ, умоляя ее сообщить объ всемъ тотъ часъ тамошнему священнику Сергію Роздобудьку. Вскорѣ послѣ этого Сѣчкаря вели уже съ связанными назадъ руками къ отцу Роздобудьку. Изъ Макіевки его препроводили прямо въ походную переяславскаго епископа Виктора канцелярію, находившуюся въ то время въ онуфріевскомъ жаботинскомъ монастырѣ. Изъ допросовъ, сдѣланныхъ Сѣчкарю и бумагъ при немъ найденныхъ оказалось, что онъ никто другой, какъ тотъ же Евстафій Пилипенко, извѣстный намъ по предидущему разсказу и носившій тройственную фамилію Горошинскаго, Сѣчкаря и Пилипенка, или, какъ въ Польшѣ называли, Филиповича. Фамилія *Пилипенка* или *Филиповича* была настоящая его фамилія, а фамилія *Горошинскій* употреблялась очень рѣдко, только въ кругу знакомыхъ его и никогда почти на бумагѣ, *Сѣчкарь* же

было просто прозвище. Пилипенко оказался дѣйствительно *самосвятомъ*, т. е. ни кѣмъ нерукоположеннымъ, но самовольно принявшимъ на себя званіе священника и дерзавшимъ совершать богослуженіе и преподавать народу св. таинства. Назваться волоскимъ рукоположенцемъ и тѣмъ ввести въ обманъ было легко въ то время, когда такъ много было въ Украинѣ священнниковъ дѣйствительно рукоположенныхъ въ Волощинѣ и когда въ самой консисторіи въ подлинности ихъ грамотъ удостовѣрялись, за незнаніемъ „волоскаго діалекта,“ только чрезъ наглядное сличеніе одной съ другою. Ставленная грамата у Пилипенка дѣйствительно была, но подложная, какъ и многіе другіе его документы, а смастерили ее два волоскіе, т. е. постриженные въ Волощинѣ іеромонахи Михаилъ и Ѳеодосій, такіе же кутилы и бродяги, какъ и самъ Пилипенко. Мимоходомъ замѣтимъ, что такихъ монаховъ было тогда въ Украинѣ очень много. Они бродили изъ монастыря въ монастырь, изъ села въ село, волочились по ярмаркамъ, пьянствовали, безобразничали. Не многіе изъ этихъ волоскихъ постриженцевъ сидѣли на мѣстѣ и вели обыкновенную иноческую жизнь; большая часть ихъ были въ полномъ смыслѣ люди потерянные для міра, забулдыги, своими похожденіями давшіе сюжетъ огромному числу пѣсенъ и прибаутокъ, оскорбительныхъ для чести монашескаго званія. Но и за всѣмъ тѣмъ была у нихъ въ это бѣдственное для православія время одна заслуга: они осмѣивали всюду уніатовъ и поляковъ, старались возбудить въ народѣ бодрость и энергію и въ движеніяхъ народныхъ за вѣру и свободу были едвали не первыми агитаторами.—Между документами Пилипенка есть два билета, выданные ему тѣми же монахами отъ имени адріанопольскаго святителя Михаила. Въ томъ и другомъ онъ значится священникомъ села Мащенокъ, изгнаннымъ будто бы изъ прихода уніатами и слѣдующимъ въ россійскія епархіи то для пріисканія себѣ мѣста, то просто по своей надобности. Вообще у Пилипенка и билетовъ и другихъ документовъ было по нѣскольку, и онъ пользовался ими по усмотрѣнію, не всякому даже давалъ читать ихъ, а

инымъ просто только показывалъ. Однимъ словомъ: это былъ проходимецъ, мастеръ на всѣ руки. Теперь онъ сидѣлъ закованный въ желѣза въ Жаботинскомъ монастырѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Производилось слѣдствіе. Пилипенко не запирался ни въ чемъ почти, разсказывалъ свою исторійку откровенно то будто съ сожалѣніемъ и раскаяніемъ, то просто съ безстыдствомъ. О. Василій Залѣсскій, о. Сергій Роздобудько и нѣкоторыя другія лица дали нужныя свѣдѣнія. Губернаторъ Сошицкій, единственный почти виновникъ допущенія къ хрещатицкому приходу самосвята Пилипенка (потому что, неудостовѣрившись самъ въ его священствѣ, выдалъ жителямъ хрещатицкимъ отъ себя письменный приказъ слушаться Пилипенка, какъ духовнаго своего пастыря), снабдилъ о. Василія Залѣсскаго защитительнымъ отзывомъ, въ которомъ, съ сознаніемъ собственной будто бы правоты и достоинства, выражалъ дурацкое свое удивленіе къ такому странному *ошуканству* со стороны Пилипенка и просилъ духовную власть не винить о. Залѣсскаго за обвѣнчаніе имъ бродяги Евстафія. Явилась наконецъ несчастная „старая хрещатицкая попадья" съ дочерью обманутою и просила удовлетворенія отъ самосвята какъ за безчестіе, такъ и за похищеніе имъ нѣкоторыхъ ея вещей и другія потери. Тотъ же губернаторъ Сошицкій далъ и ей свой отзывъ, въ которомъ, свидѣтельствуя объ обидѣ Морозихи и ея дочери, просилъ переяславскаго епископа въ вознагражденіе Матроны Морозенковой за обезчещеніе ея Пилипенкомъ, „*a może z przypłodkiem*," назначить хрещатицкой приходъ снова тому, кто взялъ бы ее въ замужество! Вся притензія вдовы Морозихи на Пилипенка простиралась по общей ея оцѣнкѣ до семи рублей съ полтиною, въ томъ числѣ „за напитую имъ у хрещатицкаго орендара горѣлку рублевъ три, за воскъ церковный и за экспенсъ ея въ проѣздѣ съ Хрещатика до Жаботинскаго монастыря" съ жалобою. Морозиха получила лошадь Пилипенка, „масти джалой," оцѣненную въ семь рублей, возвратила нѣсколько своихъ вещей: бѣлья двѣ пары, рядно одно и подушокъ двѣ, и за тѣмъ знакомъ святаго креста подписалась, что

не будетъ больше имѣть никакой претензіи къ Пилипенку. Первая жена его Анна объявила рѣшительно, что она „съ мужемъ своимъ до конца жизни жить отнюдь не желаетъ и просила вѣчной разлуки и письменнаго архипастырскаго на то вида,“ чтобы ей получить опять материнское и свое имущество, оставшееся въ Горошинѣ и прожить спокойно, занимаясь воспитаніемъ дѣтей.—

Слѣдствіе тянулось отъ начала мая до начала іюля. 8 числа этого послѣдняго мѣсяца Пилипенко во время заутрени бѣжалъ съ какимъ-то діакономъ Жаботинскаго монастыря, вѣроятно вмѣстѣ съ нимъ содержавшимся въ монастырѣ подъ карауломъ.

На томъ кончается „дѣло объ арештантѣ самосвятѣ Евстафіѣ Пилипенку“, изъ котораго мы заимствовали „его исторійку, исполненную химерогонства, креминалства и прочіихъ неподобныхъ поступковъ“. Дальнѣйшая судьба Пилипенка и его двухъ женъ неизвѣстна. О первой женѣ его Аннѣ сохранились въ слѣдственномъ дѣлѣ свѣденія, что она, послѣ бѣгства Пилипенка, при билетѣ и при сообщеніи изъ смѣлянскаго духовнаго правленія въ хорольскій уѣздный судъ, препровождена изъ Жаботинскаго монастыря за границу, т. е. за Днѣпръ, въ полтавскую губернію, до коноплянской заставы, а оттуда отпущена въ Хороль. Нарочитый конвой ея составляли причетники, которымъ приказано было тщательно охранять ее въ пути отъ нападенія мужа, а въ случаѣ нападенія схватить и представить его по духовной командѣ.

По нѣкоторымъ изъ числа арестованныхъ и возвращенныхъ женѣ Пилипенка вещей самосвята можно воспроизвести костюмъ тогдашняго священника, конечно зажиточнаго, такъ какъ Пилипенко былъ человѣкъ съ состояніемъ и происхожденія не простаго. На немъ во время ареста, когда онъ не скрывалъ своего мнимо-священническаго званія, были „чоботы шкаповые, кафтанъ сукна краснаго, поверхъ кафтана юпка шолковой блакитной байки старая, чересъ и вмѣсто пояса ручникъ съ краснымъ заполочьемъ, свита чернаго сукна и шапка зъ сивыхъ смушковъ старая и—особо—полурясокъ синего сукна,

кожухъ сивый нагольный и поясъ шолковій". По вещамъ жены его мы затрудняемся опредѣлить съ точностію костюмъ тогдашней матушки, такъ какъ Пилипенкова только въ пути сознала себя попадьею. Впрочемъ какъ изъ старыхъ дѣлъ, такъ и старыхъ преданій извѣстно, что жена священника въ костюмѣ своемъ сохраняла всѣ признаки своего происхожденія;—тѣ же принадлежности ея убора, тотъ же цвѣтъ и покрой ихъ, только развѣ матеріалъ добротнѣе. Потому и костюмъ жены Пилипенка ничѣмъ, можно сказать, не отличался отъ обыкновеннаго костюма священнической жены, хотя конечно былъ богаче. А на ней были: „платокъ шолковой чорный, намиста шнурковъ 10, плахта черная, черевики юхтовіи, шуба чорныхъ смушковъ, зеленымъ сукномъ покрытая", особо при ней: „плахта, очѣпокъ, намѣтка, запаска байкова разноцвѣтная и сподница байковая вишневая". Отобранныя у Пилипенка церковныя вещи, какъ то: крестъ циновый, полотняное напрестольное одѣяніе и под., свидѣтельствуютъ о бѣдности церковной утвари въ то время, когда даже на ладонъ разжиться не могли и кадили яловцемъ или можжевельникомъ. Прочія вещи Пилипенка, какъ то: „сокира, свердловъ два, мѣшокъ борошна, сухаровъ два мѣшка, подсвешникъ, лихтарикъ неболшой, ножницы кравецкіе, нитокъ портнихъ три мотки, наперстокъ и голникъ съ голками", показываютъ, что онъ готовился къ продолжительному странствованію. Въ числѣ книгъ находились: тестаментъ, латинская піитика, алваръ, свящ. исторія, катихизисъ и адресъ-календаръ, чего, конечно, нельзя было найти у тогдашняго украинскаго сельскаго священника.

Какъ самосвятъ, Пилипенко не былъ исключительнымъ явленіемъ того времени. Самосвятовъ было тогда довольно. Появленіе ихъ условливалось бѣдственнымъ состояніемъ православія къ Украйнѣ, неустройствомъ церковной администраціи и господствомъ и своеволіемъ шляхты. Рукоположеніе въ Волощинѣ, явившееся въ слѣдствіе сильнаго разлива уніи въ Львовѣ и Каменцѣ и отхода Кіева подъ русское владычество, играло тутъ не малую роль. Впрочемъ являлись самосвяты и съ именемъ пере-

яславскихъ ставленниковъ. 1769 г. одинъ изъ такихъ, по фамиліи Бреусъ, прибылъ въ село Селище каневскаго староства и священствовалъ тамъ два года, съ дозволенія корсунскаго закупщика Суходольскаго, который далъ ему и хату пустку, сказавъ безпечно: живи, отче, до случного часу. Безпричинный отъѣздъ его чрезъ два года прошелъ бы, можетъ быть, незамѣченнымъ; но еще чрезъ два года онъ снова явился въ Селище „уже полскимъ гусариномъ", безстыдно расказывалъ о своемъ самосвятствѣ и нагло требовалъ отъ прихожанъ, что бы они подходили къ нему подъ благословеніе и цѣловали его руку. И такъ была страшна польская власть, что никто не осмѣлился связать подобнаго бездѣльника и предать его суду. Мало того: онъ потребовалъ отъ бывшаго тогда въ Селищѣ священника Свидерскаго два рубля денегъ, издержанныхъ имъ на починку квартиры, и о. Даміанъ заплатилъ, какъ показываетъ сохранявшаяся росписка Бреуса, подписавшагося Бреусовскимъ. Въ ужасъ пришли жители Селища, узнавъ о своемъ обманѣ; обвѣнчанные имъ хотѣли разводится, а гусаринъ Бреусовскій уѣхалъ и былъ таковъ. Въ 1788 году, когда, по доносу священника Свидерскаго, возобновлено было это дѣло, одинъ изъ стариковъ селищскихъ объяснялъ появленіе самосвята тѣмъ, что „тогда никакого протопопы не было".

Ѳ. Лебединцевъ.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

— *Распоряженіе о перенесеніи ярмарокъ съ воскресныхъ и праздничныхъ дней на будніе дни.* Въ Одесскомъ Вѣстникѣ объявлено слѣдующее весьма замѣчательное распоряженіе г. новороссійскаго и бесарабскаго генералъ-губернатора, свидѣтельствующе объ истинно-христіанскомъ взглядѣ тамошняго гражданскаго начальства на общественныя дѣла края: „Въ значительной части мѣстечекъ и селеній новороссійскаго края торги и базары собираются въ воскресные дни: пріѣзжающіе въ эти дни на базары изъ окрестныхъ мѣстъ употребляютъ все утро на переѣздъ въ дальній пунктъ, присмотръ на мѣстѣ за подводами, привезенными на нихъ продуктами и производство торга; а мѣстные жители большею частію проводятъ также все утро въ торгѣ. Такимъ образомъ и пріѣзжіе и мѣстные, при трудности услѣдить за исполненіемъ закона, воспрещающаго производство торга (за исключеніемъ лишь продажи съѣстныхъ припасовъ и корма для скота) прежде окончанія литургіи, отвлекаются отъ божественной службы, предаваясь часто съ самаго утра увеселеніямъ и пьянству, поглощающимъ въ одинъ день заработокъ цѣлой недѣли или цѣну всего привезеннаго на базаръ. Стеченіе народа на базары въ воскресные дни обратило на себя вниманіе православнаго духовенства, справедливо указывающаго на происходящій отъ сего вредъ для православнаго населенія въ нравственно-религіозномъ отношеніи. Съѣздъ на базары въ воскресные дни несомнѣнно вреденъ для нашихъ сельскихъ хозяйствъ и въ экономическомъ отношеніи, способствуя напрасной тратѣ денегъ, при склонности простонародья вообще къ попойкамъ и увеселеніямъ въ праздничные дни. Одни только евреи, свято-чтущіе свой субботній день и не за-

нимающіеся въ оный торговлею, возобновляя послѣ того съ особенною охотою торгъ въ воскресные дни, умѣютъ ловко пользоваться слабостью христіанъ, и овладѣваютъ всею мѣстной промышленностію. Желая по возможности содѣйствовать отвращенію общественнаго зла, происходящаго отъ съѣзда на базары въ воскресные дни, и основываясь на законѣ, предоставляющемъ дозволеніе открытія торговъ въ селеніяхъ усмотрѣнію губернаторовъ и главныхъ начальниковъ губерній. (1463 ст. 2 т. общ. губерн. учрежд. и 2812 ст. XI т. уст. торг.), г. новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ проситъ распорядиться по ввѣренному начальнику губерніи вѣдомству, чтобы въ тѣхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ, гдѣ базары бываютъ по воскресеньямъ, назначены были для сего будніе дни, и чтобы впредь, при разрѣшеніи ходатайствъ объ открытіи торговъ, были избираемы для сего будніе дни.“

При этомъ намъ приходится съ сожалѣніемъ вспомнить, что ходатайство кіевскаго епархіальнаго начальства о перенесеніи въ кіевской епархіи ярмарокъ съ воскресныхъ и праздничныхъ дней на дни будніе, сдѣланное въ 1860 году, не было уважено тогдашнимъ гражданскимъ начальствомъ нашего края и въ послѣдствіи не было обращено вниманія даже на заявленія объ этомъ многихъ сельскихъ обществъ, помѣщенныя на страницахъ нашего изданія. Но мы увѣрены, что встрѣченныя тогда затрудненія не покажутся непреодолимыми въ настоящее время и при нынѣшнемъ управленіи нашего края.

—*Составленіе приговора о содержаніи церковной приходской школы.* (Изъ письма въ редакцію). Еще сначала учрежденія училища, которое существуетъ съ 1860 года, я старался склонять прихожанъ сдѣлать обезпеченіе своему училищу посильными пожертвованіями; но эти частныя пособія, не имѣющія опредѣленнаго и офиціальнаго характера вызвали потребность составить формальный приговоръ, который доставилъ бы возможность всему обществу принимать участіе въ этомъ столь благодѣтельномъ дѣлѣ. По этому въ прошедшемъ году, подмѣтивши согласіе въ самихъ прихожанахъ, я приступилъ къ составленію при-

говора. Однажды прибылъ въ мой домъ мѣстный благочинный, и мы сочли этотъ день удобнымъ для начертанія плана о составленіи приговора. Созваны были прихожане, въ томъ числѣ сельскій староста. Я, вмѣстѣ съ благочиннымъ, отправился въ собраніе народа и завели разговоръ о необходимости образованія, затѣмъ перешли къ разговору какъ бы составить приговоръ для содержанія учителя. Дѣло шло, по видимому, на ладъ, народъ выражалъ полное сочувствіе нашему разговору и дѣйствительно соглашался сдѣлать приговоръ. Вотъ думали мы, слава Богу, дѣло уладится, отыщемъ благонадежнаго учителя, и наше училище будетъ упрочено. Поблагодаривъ прихожанъ за доброе согласіе, начали подписывать на приговорѣ прихожанъ. Подпись окончена; оставалось только приложить печать сельскому старостѣ. Старосты на лицо не было; онъ во все продолженіе нашего разговора съ народомъ, не принималъ въ немъ никакого участія и шатался въ толпѣ, дѣлая грозныя наушничества. Мы вызвали его къ себѣ, и объявивши доброе намѣреніе прихожанъ, предложили ему приложить свою сельскую печать къ приговору. Но онъ, вмѣсто всякаго разспроса и разсужденія, отвѣтилъ самымъ грубымъ лаконизмомъ: „не треба". Мы, видя такую неожиданность, начали кротко объяснять ему значеніе и необходимость этого дѣла, за тѣмъ стали увѣщевать, чтобы онъ не прекословилъ добрымъ намѣреніямъ общества и тѣмъ не разстраивалъ того, что уже сдѣлано. Но въ отвѣтъ на все сказанное нами онъ отвѣчалъ съ несносною грубостію: „цього ничого не треба, я нехочу, *Василь* (имя волостного) буде сердыця; винъ казавъ, що мы не дозволымъ попамъ умишоваться въ школы". За тѣмъ обратясь къ народу сказалъ. „росходьтесь громадо, а то—погано буде". Сказавъ это, прямо пошолъ домой. Народъ въ замѣшательствѣ не зналъ, что дѣлать: одни стояли, другіе расходились, и въ скоромъ времени мы остались съ благочиннымъ вдвоемъ на церковномъ погостѣ. (*) Стыдъ, досада оста-

(*) Дѣло это, по причинѣ многолюднаго собранія, происходило не въ домѣ, но на церковномъ погостѣ.

лись намъ вознагражденіемъ за ревностное желаніе служить народному образованію....

Какъ быть? Чѣмъ поправить дѣло? Благочинный взялъ составленный приговоръ и отправилъ оный въ волостное управленіе, надѣясь, что оно заставитъ сельскаго старосту приложить печать. Но что вышло! Волостное управленіе, безъ вѣдома мироваго посредника, т. е. крестьянинъ волостной старшина съ писаремъ, отставнымъ солдатомъ, положили крайне ложную и обидную резолюцію,— что приговоръ составленъ безъ вѣдома и согласія прихожанъ, по желанію одного духовенства, что народъ желаетъ имѣть народную, а не церковно-приходскую школу и проч. Узнавши это, я велѣлъ созвать народъ въ училище для прочтенія ему ложной надписи на нашемъ приговорѣ. Люди стали собираться, но сельскій староста, видя такое мое распоряженіе, не медля послалъ отъ себя нарочныхъ по всему селу, чтобы никто не шолъ на зовъ священника, между тѣмъ самъ побѣжалъ въ училище и началъ разгонять собравшійся въ училищѣ народъ, говоря: „росходьтесь, чого вы тутъ будете чапить, чи вы не бачилы зъ роду попа, чи не чулы его выдумокъ“?! Народъ принужденъ былъ разойтись, а я опять получилъ стыдъ и огорченіе. Зная доброе расположеніе ко мнѣ своихъ прихожанъ, я на другой день по Божественной Литургіи попросилъ прихожанъ въ церковно-приходскую школу (стоящую близъ самой церкви) и прочелъ предъ ними замѣчаніе волостного управленія на приговоръ. Прихожане единогласно опровергнули оное и тутъ же вторично согласились подписать приговоръ. Началось рукоприкладство; вдругъ изъ толпы вызвался голосъ: „не подписуйтесь, у волости подписуютця!“ и за тѣмъ училище мало по малу начало пустѣть, я увидѣлъ себя среди четырехъ стѣнъ... Послѣ оказалось, что въ народное собраніе прибылъ сельскій староста и началъ грозить народу собственнымъ правомъ и правомъ волостнаго старшины не слушать священника.

Получивши такія горькія обиды, я пересталъ дѣлать народныя собранія для заявленія необходимости сдѣлать приговоръ, а только частнымъ образомъ, при случаяхъ,

говорилъ съ прихожанами объ этомъ предметѣ. Въ продолженіи времени отъ описаннаго событія (съ осени 1862 года до 19-го февраля сего года) Вотылевское училище оставалось безъ всякого формальнаго обезпеченія; я самъ съ приходскимъ дьячкомъ отрывалъ время отъ своихъ занятій и по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ училищѣ, объясняя дѣтямъ Кирилло-меѳодіевскую глаголицу безъ всякаго вознагражденія и средствъ. Такъ было до 19 го февраля сего года. Къ этому времени, благодаря обстоятельствамъ, волостной старшина и сельскій староста, эти слѣпые вожди, были замѣнены другими. Чувства высокой благодарности моихъ прихожанъ, высказавшіяся въ праздновании этого дня, о чемъ донесено мною начальству, дали мнѣ нѣкоторую возможность привесть въ исполненіе свою давнюю мысль о составленіи приговора. Дѣло это совершилось не безъ затрудненій и непріятностей—много требовалось усилій и умѣнья, чтобы опровергнуть ложную недовѣрчивость къ себѣ, внушенную народу прежними сельскими властями, и склонить народъ на свою сторону; однако я успѣлъ уговорить прихожанъ и приговоръ составленъ.

Такъ у насъ бываетъ всегда, когда вздумаешь привести въ исполненіе какую нибудь добрую мысль. А намъ со стороны говорятъ: „вы не умѣете, вы не хотите"!...

Священникъ Павелъ Рубановскій.

— *Дѣйствительный недосмотръ въ замѣткѣ на мнимый недосмотръ*. Въ 1-мъ № Воскреснаго Чтенія за 18^{63}/$_{64}$ годъ помѣщена статья подъ заглавіемъ: *крестный ходъ въ день св. Пасхи*. Неизвѣстный авторъ этой статьи избралъ предметомъ своимъ извѣстный обычай хожденія церковныхъ причтовъ по домамъ прихожанъ съ крестомъ, евангеліемъ, иконами и хоругвями во всѣ дни свѣтлой седмицы, существующій, какъ извѣстно, только въ Великороссіи и не употребительный въ Малороссіи. „Обрядъ этотъ, говоритъ авторъ, привыкли называть мѣстнымъ *обычаемъ* великорусскихъ церквей и съ этой точки зрѣнія хотятъ доказать, что онъ, какъ мѣстный обрядъ, обрядъ случай-

ный, явившійся въ слѣдствіе какихъ нибудь мѣстныхъ и временныхъ историческихъ причинъ и обстоятельствъ, не имѣетъ никакихъ церковно-уставныхъ основаній и потому необязательный для тѣхъ церквей, которыя не имѣютъ его или не захотѣли бы соблюдать его. Въ этомъ взглядѣ на дѣло есть недосмотръ, и мы хотимъ указать на него и исправить ошибку." Въ приведенныхъ словахъ ясно высказана цѣль статьи и то, съ какой стороны авторъ намѣренъ коснуться избраннаго предмета. Онъ силится доказать, что означенный обычай отнюдь не мѣстный, что въ церковномъ уставѣ есть прямое основаніе для него и что по этому онъ долженъ быть повсемѣстнымъ, какимъ будто бы онъ и былъ, по представленію автора.

Указываемый авторомъ недосмотръ, какъ увидимъ сей часъ, мнимый, а въ его указаніи есть дѣйствительный недосмотръ, на который въ свою очередь и мы хотимъ указать, чтобы исправить ошибку, просмотрѣнную почему-то почтенною редакціею Воскреснаго Чтенія. Ошибка эта важна не потому только, что ею извращается подлинный смыслъ церковнаго устава, но и потому, что изъ небывалаго основанія авторъ дѣлаетъ произвольное заключеніе какъ о повсемѣстности этого обычая въ древности, такъ и о необходимости повсемѣстнаго его введенія въ настоящее время.

„Въ Цвѣтной Тріоди, говоритъ авторъ, въ уставѣ о совершеніи утрени въ понедѣльникъ свѣтлой недѣли, предписывается (на полѣ напечатано: *зри*): *подобаетъ вѣдати, яко творимъ исхожденіе днесь внѣ монастыря, предносяще хоругви, въ рукахъ же держаще святое евангеліе, честный крестъ и иконы воскресенія Христова, Пречистыя Богородицы. Поемъ канонъ Пасхи*, и проч." Авторъ цитуетъ Цвѣтную Тріодь изд. кіево-печ. лавры 1792 г. и за тѣмъ приводитъ замѣчаніе той же Цвѣтной Тріоди, помѣщаемое въ уставѣ объ утрени каждаго слѣдующаго дня свѣтлой седмицы: *послѣдованіе бываетъ все праздника, яко же предъявися.* Поставляя эти два примѣчанія во взаимной связи, онъ дѣлаетъ за тѣмъ слѣдующій выводъ: „и такъ этимъ уставомъ *Цвѣтной Тріоди*

предписывается въ каждый день свѣтлой седмицы, начиная съ понедѣльника, совершать между утренней и литургіей крестный ходъ изъ церкви не внутри монастыря или ограды церковной, а внѣ ихъ." Остановимся пока на этомъ.

Приведенное авторомъ *примѣчаніе* Цвѣтной Тріоди есть, конечно, и не въ одномъ изданіи кіево-печерской лавры 1792 года; но если бы онъ прочелъ предъидущія строки въ какомъ угодно изданіи Цвѣтной Тріоди, то нашелъ бы слѣдующее: *тако творимъ послѣдованіе утрени во вся дни свѣтлыя седмицы.* Это общее замѣчаніе о порядкѣ (послѣдованіи) утрени, одинаковомъ для каждаго дня свѣтлой седмицы, за исключеніемъ перваго дня (гдѣ порядокъ нѣсколько отличный) дало бы ему замѣтить, что именно сюда, а не къ приведенному имъ *примѣчанію* о крестномъ ходѣ, относятся слова, помѣщаемыя въ уставѣ объ утрени каждаго дня свѣтлой седмицы: *послѣдованіе бываетъ все праздника, яко же предъявися.* Другими словами: послѣднее, каждый разъ приводимое замѣчаніе есть только повтореніе общаго замѣчанія, помѣщеннаго по окончаніи послѣдованія утрени въ понедѣльникъ свѣтлой седмицы и касается общаго состава и характера послѣдованія *(все праздника)* утрени, а отнюдь не крестнаго хода. Объ этомъ послѣднемъ, какъ не относящемся къ составу утрени, но только слѣдующемъ по окончаніи оной, и не непремѣнно тотъ часъ (о чемъ рѣчь впереди), сдѣлано особое *примѣчаніе*, на что ясно указываетъ какъ слово *зри* и даже *подобаетъ вѣдати* (зри, смотри, примѣчай, или примѣчаніе; подобаетъ вѣдати, надо знать, надо замѣчать), такъ и самое мѣсто этого примѣчанія;—оно помѣщено по окончаніи всего послѣдованія утрени и стоитъ совершенно отдѣльно. Итакъ авторъ совершенно несправедливо связалъ два отдѣльныя замѣчанія устава церковнаго, изъ которыхъ одно касается порядка, состава и характера утрени, а другое священнаго дѣйствія, отдѣльнаго отъ утрени. Онъ извратилъ такимъ образомъ смыслъ церковнаго устава, подставилъ небывалое основаніе подъ существующій фактъ. Самое слово *днесь (творимъ исхожденіе днесь)* должно бы было убѣдить его, что крестный ходъ отно-

сится только къ второму дню Пасхи, а не ко всѣмъ днямъ свѣтлой седмицы. Если бы уставъ церковный разумѣлъ то, чего такъ хочется автору, то въ немъ въ этомъ, какъ въ другихъ случаяхъ, было бы замѣчено: тако творимъ во вся дни..., или же примѣчаніе: *подобаетъ вѣдати* повторялось бы въ послѣдствіи каждаго дня.

Теперь когда очевидно, что уставъ церковный не назначаетъ крестнаго хода для каждаго дня свѣтлой седмицы, но только для втораго дня оной, посмотримъ, есть ли въ этомъ правилѣ церковнаго устава какое нибудь основаніе для хожденія церковныхъ причтовъ по домамъ прихожанъ покрайней мѣрѣ въ этотъ день.—„Весь уставъ, замѣчаетъ авторъ, излагается въ приложеніи къ монастырю.“ Онъ, конечно, упустилъ изъ виду здѣсь же въ послѣдованіи перваго дня св. пасхи правило о разрѣшеніи монахамъ на рыбу, масло, сыръ и яйца; а мірянамъ на вся, и другія подобныя правила; но если бы его замѣчаніе было безусловно вѣрно, то слѣдуетъ ли правило устава совершенно измѣнять, а не *примѣнять* только къ положенію приходовъ? Авторъ, очевидно, сдѣлалъ измѣненіе, а не примѣненіе, когда изъ замѣчанія устава о крестномъ ходѣ вокругъ монастыря вывелъ заключеніе о хожденіи причтовъ по домамъ прихожанъ. Самъ онъ чувствовалъ, что для этого хожденія нѣтъ основанія въ уставѣ: „уставъ церковный, говоритъ онъ, не предписываетъ ходить съ святынею по домамъ, „и рѣшаетъ это положительное опровержение своего мнѣнія о хожденіи причтовъ по домамъ такимъ вопросомъ:“ но развѣ церковь имѣетъ въ виду при этомъ улицы и воздухъ, а не людей?“ Странный вопросъ! Ни объ улицахъ, ни о воздухѣ не могло быть и помину въ правилѣ устава. *Творимъ исхожденіе внѣ монастыря*—это значитъ: совершаемъ крестный ходъ вокругъ монастыря или монастырской ограды, но ничего болѣе. Какъ примѣнить это правило къ приходскимъ церквамъ?—Творимъ исхожденіе внѣ церкви, т. е. вокругъ церкви, или церковной ограды. Вотъ и все тутъ. Такъ именно и понимается и выполняется на дѣлѣ это правило устава тамъ, гдѣ нѣтъ восхваляемаго авторомъ хожденія

причтовъ по домамъ прихожанъ. Въ кіевской губерніи во всякомъ приходѣ, по окончаніи литургіи во второй день Пасхи, совершается крестный ходъ вокругъ церкви съ тою же самою святынею, какая указана въ уставѣ, а по окончаніи онаго священникъ, остановившись на паперти у западныхъ дверей, помазываетъ прихожанъ елеемъ, освященнымъ на литіи, которая совершается въ великую субботу, послѣ литургіи. Клиръ же поетъ въ это время указанный уставомъ канонъ св. Пасхи. Могутъ указывать здѣсь и другое отступленіе отъ устава, именно крестный ходъ совершается не между литургіей и утренней, а по окончаніи литургіи; едвали въ этомъ можно видѣть погрѣшность противъ устава. Уставъ не опредѣляетъ времени крестнаго хода,—тамъ сказано только: творимъ исхожденіе *днесь*. Когда же именно?—Конечно, не тотъ часъ послѣ утрени, ибо въ такомъ случаѣ сказано было бы: *и исходимъ* или *и абіе исходимъ*, какъ въ богоявленіе, въ утро великой субботы и другихъ случаяхъ,—не между утренней и литургіей, какъ думаетъ авторъ, ибо въ годичномъ кругѣ богослуженія церковнаго нѣтъ примѣра, чтобы крестный ходъ составлялъ отдѣльное послѣдованіе, да это и несообразно было бы съ внутреннимъ смысломъ крестнаго хода, но—по окончаніи литургіи, о чемъ свидѣтельствуетъ вѣковой обычай, сохранившійся въ нашемъ краѣ. На литургіи бываетъ больше народу, чѣмъ на утрени, литургія заключаетъ собою рядъ службъ дня; когда же, какъ не по окончаніи литургіи, удобнѣе и сообразнѣе съ существомъ дѣла совершать крестный ходъ?

Послѣ того, какъ отвергнуто основаніе, которое авторъ измыслилъ и подставилъ подъ существующій обычай, само собою падаетъ и все прочее, чѣмъ также авторъ хотѣлъ подперетъ нетвердо стоящій обычай и что строилъ на томъ же вымышленномъ основаніи. Такъ онъ утверждаетъ, что обычай хожденія церковныхъ причтовъ по домамъ прихожанъ, какъ онъ существуетъ теперь въ Великороссіи, былъ когда-то повсемѣстнымъ обычаемъ русской церкви. На какомъ основаніи? Историческихъ свидѣтельствъ никакихъ нѣтъ у автора; но онъ конечно

разсуждалъ: обычай имѣетъ церковно-уставное основаніе, значитъ онъ соблюдался когда нибудь повсюду, иначе за чѣмъ въ уставѣ писалось. А мы видѣли, что въ уставѣ ничего на этотъ счетъ не писалось. Авторъ думалъ иначе и постарался привести объясненіе на то, почему извѣстное хожденіе существуетъ въ Великоруссіи и не употребительно въ Малороссіи. „Въ великорусскихъ церквахъ, говоритъ онъ, уставная сторона въ богослуженіи хранится точно и свято, безъ опущеній и безъ измѣненій, какъ не хранится она въ другихъ мѣстахъ Россіи. „Мы ничего не возразимъ противъ первой половины этой мысли, но автору по меньшей мѣрѣ слѣдовало бы подтвердить чѣмъ нибудь. Произносить осужденіе на цѣлую половину русской церкви въ несоблюденіи церковнаго устава, въ опущеніяхъ и измѣненіяхъ и не представить на это никакихъ доказательствъ—это, какъ хотите, очень смѣло. Положимъ, вы будто хотите извинить „юго-западныя епархіи русской церкви“ за несоблюденіе любимаго вами обычая „временами тяжелаго насилія для православной церкви въ этихъ епархіяхъ отъ іезуитскаго латинства и не дружелюбной уніи,“ когда, по вашимъ словамъ, „православные по необходимости должны были отказаться отъ соблюденія многихъ церковныхъ церемоній, хотя бы онѣ предписывались церковнымъ уставомъ,“ и думаете, что именно въ это время упомянутый обычай вышелъ въ этихъ епархіяхъ изъ) употребленія; но во 1-хъ это оправданіе только для тѣхъ временъ тяжелаго насилія, во 2-хъ чтобы и въ тѣ времена православные отказывались, хотя и по необходимости, отъ соблюденія предписаній церковнаго устава, на это нѣтъ у васъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ. Мы позволяемъ себѣ думать иначе, чѣмъ вы говорите, именно: что внѣшнія насилія скорѣе располагали, привязывали къ вѣрѣ, чѣмъ отчуждали отъ нея; что нападки іезуитовъ и уніатовъ именно на обрядность православную послужили къ большему выясненію, исправленію и опредѣленію оной, что такъ блистательно завершилъ Петръ Могила изданіемъ своего требника, подобнаго которому, по полнотѣ содержанія, церковь русская

не имѣла и не имѣетъ доселѣ. Между тѣмъ въ этомъ требникѣ, касающемся не только малѣйшихъ подробностей церковно-обрядовой практики, но и случаевъ обыкновенной жизни (напр. освященіе дома, копаніе колодезя и под.), на которые церковь полагала печать освященія, нѣтъ и намека на названный вами крестный ходъ, нѣтъ его ни въ одномъ требникѣ, ни въ одномъ типикѣ и ни въ какой другой богослужебной книгѣ ни кіевскаго ни московскаго изданій.

Въ заключеніе авторъ выражаетъ желаніе, „что-бы пасхальный крестный ходъ (т. е. хожденіе причтовъ по домамъ прихожанъ съ иконами, крестами, хоругвями и проч.) совершался во всѣхъ епархіяхъ и приходахъ русской церкви въ полномъ составѣ святыни по уставу (?!), а не съ однимъ крестомъ, и не въ одинъ и два дня, а во всю седмицу,“ ограничивая впрочемъ срокъ хожденія временемъ между утреней и литургіей. Намъ кажется, что при такомъ ограниченіи для этого хожденія причтовъ по домамъ прихожанъ, оно не выполнимо первѣе всего тамъ, гдѣ доселѣ исключительно соблюдалось. Извѣстно, что въ Великороссіи сельскіе приходы гораздо многолюднѣе нашихъ и что весьма многіе изъ нихъ состоятъ изъ приписныхъ деревень, отстоящихъ отъ села или отъ погоста (гдѣ находится церковь и живетъ причтъ) 5—30 и болѣе верстъ. Предположимъ, что приходъ состоитъ изъ 200 дворовъ, сплоченыхъ въ одномъ селѣ (полагаемъ, что это не болѣе, какъ средняя цыфра); а причтъ не можетъ отдѣлить для хожденія по приходу болѣе трехъ часовъ времени, чтобы литургія не оканчивалась очень поздо. Спрашивается, сколько нужно дней причту для того, чтобы обойти 200 дворовъ, въ каждомъ установиться съ подобающимъ благоговѣніемъ, со всею предносимою святынею, пропѣть молебенъ *съ канономъ св. Пасхи* (по уставу) взять подачу не только денежную, но и хлѣбную (какъ водится) и опять уйти безъ торопливости. Полагаемъ полчаса времени для каждаго двора; въ пять дней причтъ обойдетъ 30 дворовъ, а 170 останется безъ посѣщенія святыни, или же ему нужно ходить ровно до Вознесенія,

чтобы обойти весь приходъ. Чтоже если приходъ разбросанъ, если деревни и приселки отстоятъ отъ погоста на разстоянiи 5—30 и болѣе верстъ? Посмотримъ на дѣло съ другой стороны. Полагаемъ для утрени два часа, для хожденiя по приходу три часа, да на совершенiе литургiи два часа; спрашивается, какое здоровье можетъ вынести семичасовое служенiе съ пѣнiемъ и чтенiемъ на тощiй желудокъ? Положите меньшiй срокъ для совершенiя утрени и литургiи и большiй для хожденiя по приходу,—отъ этого не легче будетъ причту, а прихода все таки обойти нельзя и на половину. Не говоримъ о томъ, что собиранiе подаянiя (а безъ этого причтъ, повѣрьте, ходить не станетъ) есть не совсѣмъ приличное занятiе для служителя Божiя, готовящагося совершать безкровную жертву.

За чѣмъ стараться поддерживать и даже дѣлать повсемѣстнымъ такой обычай, который, какъ мы видѣли, не имѣетъ никакого церковно-уставнаго основанiя? Мы отказываемся на этотъ разъ говорить о происхожденiи этого обычая и побужденiяхъ, изъ которыхъ онъ возникъ и которыми поддерживается. Замѣтимъ только, что онъ стоитъ въ прямой связи со многими другими хожденiями причта по приходу, о которыхъ любопытствующихъ просимъ прочитать въ февральской книжкѣ Духовнаго Вѣстника за нынѣшнiй годъ въ статьѣ объ улучшенiи быта духовенства. Говорить ли о томъ, что есть хожденiя не приведенныя въ извѣстность, какъ напр. хожденiе съ молитвою въ успенскiй постъ, котораго мы сами свидѣтелями въ в...,ской губернiи? Мы не сомнѣваемся, что и хожденiе съ крестомъ идетъ въ параллель съ хожденiемъ съ иконами и хоругвями, а любопытствующихъ отсылаемъ къ статьѣ объ этомъ предметѣ, помѣщенной въ 7 № Руководства для сельскихъ пастырей за 1860 г. Зачѣмъ же, спрашиваемъ, рекомендовать намъ то, что, по общему признанiю, имѣетъ такъ много неудобныхъ сторонъ и, конечно, прекратится само собою, коль скоро улучшенъ будетъ матерiальный бытъ духовенства?

Авторъ находитъ, что соблюденiе такъ нравящагося ему хожденiя съ иконами и хоругвями „особенно полезно

было бы въ юго-западныхъ епархіяхъ русской церкви, для поддержанія тамъ православной религіозности въ народѣ, въ виду пышныхъ и многочисленныхъ церемоній, какія совершаются тамъ изъ римско-католическихъ костеловъ". Не споримъ, что и церковныя церемоніи имѣютъ вліяніе на народъ, но для возвышенія истинно-религіозной жизни надо брать другія, болѣе сильныя мѣры, которыя бы поднимали бы внутреннюю, духовно-нравственную, а не одну обрядовую сторону жизни.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 14 мая 1864 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ*.

Въ Университетской типографіи.